

Часть 2. Геральдика.

Глава 1. Основы символики.

Что такое герб знают практически все. Гербов много, и они разные. Присутствие герба в реальности, а не в истории, свидетельствует о том, что геральдика - это не только историческая дисциплина, а ещё и отрасль прикладного знания. Термин "геральдика" употребляется и в другом значении; это система, организации гербов. Вариантов трактовки термина "геральдика" великое множество, и каждый из них по-своему хорош. Вот вариант, гербоведов, для которых геральдика - вспомогательная историческая дисциплина: *"Гербами называются особые фигуры или символические изображения - эмблемы, составленные на основании точно определенных правил и служащие постоянным отличительным знаком отдельного лица, рода, общества, учреждения, города, области и целого государства"*. А вот вариант авторов книги "Дворянские роды Российской империи": *"Гербами называют графические знаки - символы, эмблемы отдельных лиц, семей, родов, корпораций, территорий и государств, составленные по определённым правилам"*. Дальнейшее перечисление трактовок не имеет смысла, ибо как мы все знаем: от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Выделим лишь общие моменты всех определений:

Правила;

Символ;

Знак;

Эмблема;

Набор обладателей герба.

Но есть одно общее место, и уже не в определении, а в отношении к ним. Для них выглядит совершенно понятным, что такое знак, что такое символ и что такое эмблема. Насколько это не так, видно, если обратиться к тем наукам, которые занимаются изучением этих феноменов. Необходимо отметить, что попытки выхода на проблему осуществлялись, и исследователями были предложены самые существенные варианты ответов на вопрос: что такое геральдика.

Вот основные постулаты символогии:

- "В своей натуральной вещности никакой символ не может прямо соотноситься с одной данной конкретной содержательностью (или структурой) сознания".
- "...когда мы говорим, что мы понимаем или не понимаем объект в смысле его знания, то это понимание или непонимание в некотором смысле зависит от нас, а когда мы говорим, что мы не понимаем или понимаем символ в его соотнесённости с содержательностью сознания, то это зависит от самого символа".
- "...с точки зрения метафизики сознания, символ абсолютно произволен в отношении структуры сознания, с которой он соотносится".
- "Символ - это вещь, обладающая способностью индуцировать состояние сознания, через которое психика индивида включается в определённые содержания (структуры) сознания. Или по-другому: при аккумуляции психикой индивида определённых состояний

сознания символ обнаруживает способность введения психики в определённые структуры сознания". Или так: при аккумуляции психикой индивида определённых состояний сознания символ обнаруживает способность введения психики в определённые структуры сознания".

Я уже представляю себе Ваши округлившиеся глаза, уважаемые читатели. Вы скажете: "что это за абракадабра?" И, отчасти, будете правы. Увы, постулаты, это непреложные правила, их нельзя переводить. Но можно попытаться объяснить. Чем мы с Вами сейчас и займёмся.

Сознание предстает в данной системе как атрибут человека, в отличие от психики, которая принадлежит миру природы. В данном случае синонимы сознания - это свобода и бытие. Ни сознание, ни бытие, ни свободу понять и зафиксировать нельзя, можно лишь оказаться в ситуации, в положении, когда происшедшее, указывает на принципиальное участие в этом свободы, бытия, сознания. Наша тема человек - значит тема соотношений человека и сознания.

В каком случае человек может оказаться в ситуации обретения нового опыта сознания? Только через желание, принадлежащее миру психики, этого не достичь, то есть сознание уже должно включиться в игру, чтобы играть. Это может произойти случайно, в этом смысле бытие, именно случается. Вариант, где что-то зависит от человека, предполагает отношение сознания к уже существующему положению вещей. Это отношение может быть представлено иерархией культуры, её слоями, которые в свою очередь можно рассмотреть с различных сторон:

а) *вид опыта сознания:*

- *гарантированный опыт сознания.* Тот опыт, который приобретается или неосознанно, или непосредственно.
- *чужой негарантированный опыт сознания.*
свой опыт сознания.
новый опыт сознания.

б) *слой культуры:*

- *культура как **природа.*** Цель данного слоя культуры - автоматизм культурного поведения, при котором человек лишь подключается к существующему положению вещей в мире.
- *культура как **цивилизация.***
- *культура как **экзистенция.*** Тот опыт сознания, который может быть обретен каждым только самостоятельно: любовь, дружба, храбрость и другие подобные феномены.
- *Культура как **антикультура.***

в) *вариант отношения между сознанием и вещами;* Сознание исчерпывается вещами, оно выглядит как автоматически возникающее дополнение к вещам:

- *Данному положению вещей соответствует конкретная структура сознания, но она не вытекает автоматически из вещной составляющей;*
- *Вещи случайны по отношению к сознанию.*
- *Не существует ещё порядка вещей соответствующего данному опыту сознания.*

г) *средство производства и воспроизводства данного слоя культуры:*

- *знак.* Важнейшее определение знака как субстанции - в его однозначности. Чем жёстче связь одной вещи (знака) с другой вещью, тем легче осуществляется процесс передачи, усвоения и хранения готового опыта сознания.

- *знак и вторичные символы.*
- *сами феномены оказываются символами, представленными вторичной символикой.*
- *первичные символы.* Символ принципиально направлен не на уже готовое положение вещей в мире, не на готовое знание, а на ещё несостоявшееся положение вещей в мире и знание о них, то есть совсем не на вещь, а на сознание, на его актуальность.

Здесь уже состоявшийся порядок вещей в мире требует заново своего творения. Тут-то и сталкиваются готовые, означенные пласты культуры, с символами, направленными на воспроизводство человека, способного пользоваться этими пластами. Поэтому возникает необходимость выразить тождественность человека чему-то конкретному, конкретному опыту сознания, структуре сознания, которая (как число "Пи") не выражается без остатка в порядке вещей, производимых этим опытом сознания, и потому источником, которой может быть только *новая свобода*, то есть полная неотожествлённость человека себе как вещи. Но эта, *новая свобода*, происходит в области действия вторичных символов - или псевдосимволов, она всегда может быть воспринята со стороны её вещности "как уже готовое функционирующее устройство, могущее быть, более или менее, произвольно идеологически интерпретированным".

Именно поэтому, внешним атрибутом символа оказывается многозначность. Через символ осуществляется та самая конструкция, в которой, для того, чтобы что-то свободное произошло, оно уже должно произойти, чтобы опыт сознания состоялся, оно (сознание) уже должно быть подключено. Вот это "уже" и концентрируется в

такой вещи, как символ. Поэтому символ и не сводим ни к одной конкретной содержательности сознания, а только к сознанию, как к таковому. Следовательно, выражение: "этот символ что-то символизирует", выглядит неправомерно. Не "что-то", а как раз "ничто" - сознание, которое может оказаться чем угодно, а значит, символ символизирует себя.

Таких вещей, которые принципиально содержали бы в себе символ как таковой, сам себя символизирующий, очень немного. Только та вещь, которая не может не мыслиться свободной, может быть первичным символом. В некотором смысле они должны быть больше свободой, чем вещью, и тогда они будут символом.

Таких вещей, две. Это Бог и смерть. Будучи свободными, они схожи с сознанием еще и тем, что требуют при работе с ними подсознательного уровня. Мы не можем сказать ничего положительного ни о сознании, ни о Боге, ни о смерти. Мы можем только говорить о том, как мы об этом говорим. Бог - это начало любой свободы, это свобода нашей свободы. Смерть - это конец свободы, но свободный от нашей свободы. Это свобода нашей несвободы. Но и то, и другое - не человек, не его сознание, поэтому и то, и другое предстают как вещь, как первичный символ. Они - вещи, потому что они символы для сознания, которым (сознанием) они не являются. Все другие (вторичные символы), в первую очередь *вещи*, а символами они являются лишь тогда, когда становятся таковыми, актуализируя сознание на новый сознательный опыт: "Скорее, это означает, что когда мы знаем, что какая-то вещь есть символ, то это значит: в сознании есть что-то, что

индуцирует наше знание о символе, как об этой вещи".

Но как возможен такой вторичный символ? Как в какой-то реальной вещи могут быть одновременно: сознание, свобода и бытие. Здесь, самое время, ввести еще один:

- *геральдический постулат символогии*. Если вещь может проявиться как символ, то только по отношению к сознанию, в сознании, иначе говоря, по отношению к человеческой свободе и только из человеческой свободы, то есть - символизировать только человека.

Но тогда можно говорить ещё об одной вещи, близкой к первичным символам - о человеке, о личности. Но сделать символом самого себя - **задача очень непростая** - это и значит состояться как личность. Человек как символ должен быть тождественен свободе, то есть должна отсутствовать всякая тождественность.

Одним из важнейших опытов сознания, принадлежащих уровню цивилизации, оказывается опыт социального бытия. Или бытия, как социальной субстанции.

С того момента, когда человек открывает свою социальность, как источник бытия, как его форму, это уже не только открытый в природе, естественным образом установленный порядок вещей. Как только социальность открывается, изобретается как проявление свободы, как следствие сознательного опыта, так она, с одной стороны, оказывается источником другого опыта сознания - развития общества, с другой стороны - входит в регистр не гарантированности, то есть такого опыта, который необходимо всякий раз заново воспроизводить.

Инструментом удерживания такого сознательного опыта может быть только символ. Сама же процедура восприятия символа - есть процедура идентификации. Поначалу внутренней идентификации, как противопоставление всему остальному миру, открытие своей общности, как общности именно людей, носителей свободы, сознания.

Такой символ предстает в двух ипостасях: как имя собственное и как геральдическая форма. И в том, и в другом случае мы имеем дело с вещностью. Они - эти формы символа - могут восходить и к одной вещи. Вещь же должна указывать на что-то такое, что или является самой свободой, сознанием, или условием свободы, сознания, или следствием свободы, сознания.

Но, на данном этапе развития общества, более значимым оказывается сам факт существования, бытийный аспект, поэтому таким символом оказывается вещь, обеспечивающая существование, то есть сознание и свобода включены в такой символ только фактом того, что символизация состоялась.

Тотем - первопредок, земля, вода, солнце, лес. Их выразителями на данном этапе может быть, и только цвет, и многое другое. Это символы первичного бытия. Но они все указывают на бытие человека, так как только человек способен сделать их инструментом держания сознательного опыта, способен воспроизводить в себе ту тождественность, которая не гарантирована.

Такого рода символика до сих пор актуальна для социальных образований: государство, этнос, нация. Бесспорно и то, что на данном этапе развития культуры оказывается, открыт и востребован и другой, не социальный опыт

сознания, который необходимо постоянно воспроизводить, и для этих целей культура вырабатывает соответствующие символы.

Социальная структура общества усложняется, отношение власти и собственности внутри сообществ, отношения между сообществами требуют своей проекции на уровень сознания. С этого момента идентификация перестаёт быть направленной только вовнутрь, для себя, и оказывается сообщением о себе другим. Имя собственное перестаёт быть тайной для окружающих, геральдическая форма должна быть понятна и другим. Наравне с именем собственным - *символом* - внешняя сторона начинает пользоваться прозвищем, которое есть уже только *знак*. Точно также и знаки собственности, и знаки власти могут быть только сообщением для других, в этом смысле только знаком, обретая свою произвольную, нетерпимую *символом*, форму. То есть, внешний, гарантированный характер человека, в социальной структуре предопределяет появление знака, как составной части геральдической формы. А под геральдической формой следует понимать особый инструмент социальной идентификации: может иметь значение только то социальное положение, которое может и должно быть означено. Человек, как та или иная социальная вещь, получает знак.

Но, не смотря на то, что общество оказывается устроенным заранее определённым порядком вещей, этот порядок всегда поддерживается конкретным человеком, укореняется в его сознании, свободе. То есть, для конкретного человека может быть естественным, какой-либо социальный статус, или социальная группа, но совсем неестественно его положение, как

занимающего этот статус, как принадлежащего к этой социальной группе. Неестественно и его отношение к этому, как к "неестественному". Это положение делает возможным превращение вторичной символики в *псевдосимволы идеологии*. Чтобы быть таковым, необходимо проявить себя как человека, реализовать свою свободу, обрести соответствующий опыт сознания, в поступке, в творении или в мысли. Необходимо удержаться в таком положении вещей и удерживать данную тождественность. Это осуществимо только через *вновь обретённый опыт сознания*, только через символ. Комбинация знаковой и символической составляющей может быть различной. Это может быть геральдическая форма, возникшая как символ, ставшая затем знаком и вновь используемая кем-то для обретения символа, помещения себя через неё, в данное положение вещей.

С этого момента геральдическая форма может быть, текстом для внешнего пользования: - геральдическим знаком. Или может послужить текстом, созданным для самопроизводства, для процесса автокоммуникации, то есть быть символом. Но, в отличие от любого другого автокоммуникативного текста, геральдическая форма дает информацию о социальной вещности человека. А, так как любая сфера человеческой деятельности может быть представлена как социальная, то она может иметь свое геральдическое выражение.

На данном этапе, особым представляется и характер символики, значимым теперь оказывается не факт существования, а факт обладания определёнными качествами, состояниями. Причем эти качества (состояния)

отсылают к свободе, к сознанию, следствиями и проявлениями которой они и являются, так как совершенно не гарантированы никакой вещностью. Вещи, которые могут отсылать к таким качествам (состояниям), к такому опыту сознания, и оказываются для сознания символами. Это та символика, которая соответствует *экзистенциальному* слою культуры.

Социальное пространство, представленное группами и иерархическими статусами, вырабатывает институт идентификации - *геральдику*. Я сейчас достаточно широко трактую термин геральдики, помещая ее начало в глубокой древности как существенный элемент антропогенеза вообще - в обретении и держании опыта сознания социального бытия, и подводя под него огромное количество явлений знаково-символического характера. Это: знаки власти, собственности, сословной, профессиональной, религиозной принадлежности, знаки отличия и наградные знаки, униформа, производственные и товарные знаки, торговые марки и логотипы, и многое другое, что может идентифицировать в социальном пространстве. Традиционно термин "геральдика" связывают только с гербовой формой. Гербовой геральдикой представлен следующий этап развития геральдики, и развития отношений между символом и знаком. Гербовая форма отличается от остальных геральдических форм тем, что определяется всей совокупностью гербовых форм, образуя систему. Вопрос об образовании системы один из сложнейших для современной геральдики.

Какой можно дать ответ, если иметь в виду всё вышесказанное? Главной задачей, оказывается совмещение в гербовой форме и знака и символа.

Герб не может быть в одном случае знаком, а в другом символом, он должен быть именно и знаком, и символом одновременно. Гербовая форма, для того чтобы быть одновременно и тем и другим, усложняет свою структуру, становится сложно организованным текстом, где одна его часть будет знаком, другая символом.

Во-первых, всякий знак должен быть информационно ёмким, адекватно, понятно, и предельно полно передавать необходимую информацию.

Во-вторых, выступать побудителем к действию, социальному поступку.

Эти две функции социальной информации, реализуясь в большей или меньшей степени, в каждой из существующих сегодня знаковых систем, были основными факторами их становления, развития и усложнения. Выразить эту вещь можно только через знак, стать тождественным ей, только реализовав свою свободу, удержать эту тождественность только через символ.

Гербовая форма - это такая форма, которая одновременно указывает на человека, как особую социальную вещь, и провоцирует человека на новый опыт сознания, на актуализацию своей свободы, чтобы человек имел возможность быть таковой вещью.

Но всегда, имея дело с символом, есть риск изменить, осуществить историю. Для того чтобы стать таким текстом, оказывается необходимым сорганизоваться как знак, указывающий, что эта вещь - есть подобный текст. В основном постулате симвонологии, когда одна вещь указывает на другую, есть указание на некоторое естественное положение вещей в мире. Поэтому

герб являет собой особый знак, который указывает на то, что те вещи, с которыми мы имеем дело, есть и символы, отсылающие уже к сознанию, и знаки. **Герб - это знак символа, знак знака.** Как только герб становится таким знаком (а стать им он мог только в системности), обретя узнаваемую форму, становятся возможным новые отношения между символом и знаком, при которых не только те вещи, которые могут быть символом (а исходя из 3 постулата символогии, символ абсолютно произволен), но и другие вещи, в рамках геральдической формы, могут быть символом. Их символичность определяется,

во-первых: другими символами, участвующими в работе гербовой системы, с которыми их ставят в один ряд;

во-вторых: самой формой, отсылающей к ним как к символам.

То есть сама системность, обретение формы знака, указывающего на эту системность, на её символично - знаковую двойственность, становится символичной.

В ранних гербовых формах: и в случае японского мона, и шотландской клетки - кильта, все эти формы возникают, исчезают, видоизменяются, а мон и кильт остаются, как сообщение, опосредованное системой о статусе - положении такой единицы как род, нация. Система одновременно указывает на вещь - социальный статус, и на то, что знаки, отсылающие к конкретным действующим лицам, являются для этих лиц символами постольку, поскольку они выделяют эти лица, как героев обретения тождественности этой социальной вечности. Поэтому главным оказывается не объективная символичность используемых вещей, а знаковые

функции, отделяющие одних лиц, реализующих свою свободу в обретении социального статуса, от других. Поэтому и становится возможным использование в таких системах в качестве символов, отделяющих ту или иную единицу от других, таких вещей, которые оказываются по знаковому произвольными, и не срабатывающими как символ за пределами этих систем. Хотя, со временем, они могут быть интерпретированы как вещи более или менее содержательные.

Вероятно, характер средневековой культуры, с его предельным символизмом, когда каждую вещь в этом мире принято было воспринимать как проявление другого уровня бытия - Бога, предопределил возможность расширения поля вещей, которые могут служить строительным материалом для гербовых форм. Особый социальный строй средневековых обществ, нашедший выражение в иерархичности, унифицированности социального пространства, где феодальная свобода - суверенитет и оказались тем измерением, через которое становилось возможным выразить большинство перипетий социальной динамики (по крайней мере, для тех слоев, которые были допущены до "игры" по этим правилам), предопределили столь широкое распространение герба.

Способность герба вобрать в себя и олицетворять столь различные стороны средневековой действительности сделала герб чрезвычайно простым и употребительным средством социальной идентификации, а геральдическую систему в целом - универсальным и практически удобным инструментом выражения, оценки, а в какой-то мере и регулирования социальных отношений. Процесс образования социального института

идентификации - геральдики завершился с окончательной "герольдизацией" процесса социального общения, с одной стороны, и с оформлением органов контроля с другой, что нашло свое отражение в слиянии права с геральдикой и в организации института герольдов.

Дальнейшее развитие геральдики как социального института связано с появлением принципиально новых социальных тел или с выходом на социальную арену тех образований, которые до того оставались в тени, что предполагает обретение нового опыта сознания и создание новых геральдических форм.

На этом, попытки разбора и пояснения основных постулатов символогии можно считать законченными. Я уверен: если Вы мобилизовали своё внимание, сконцентрировались, вдумчиво ознакомились с предложенным материалом, - вся "абракадабра" рассеялась. Абсолютно чёткого представления о символе, знаке, их происхождении и взаимодействии друг с другом, может быть, пока ещё и нет. Но понятие об этом уже есть. Наверняка.